

Глава 1

ВЕРБЛЮД, ЛЕВ, РЕБЕНОК

*Как много великих идей, чье действие подобно кузнечным мехам: от них человек надувается и становится еще более пустым.**

Ф. Ницше

Юбилей Старика этой весной бил все рекорды по концентрации желчи на квадратный дюйм семейного поместья на Лонг-Айленде. Как-то так совпало, что все восемь самых влиятельных семей Америки захотели лично поздравить легендарного патриарха. Но когда твоя семья соткана из глобальных финансовых домов, шотландского королевского семейства, английских графов и прочих замечательных людей. Когда твои предки, возможно, и не плыли в Новый Свет на «Мейфлауэре», но точно были теми самыми людьми, кто скупал награбленное у пиратов с «Мейфлауэра» и потом ссужал капиталом детей

* Цит. по Ф.Ницше «Так говорил Заратустра».

этих самых разорившихся пиратов. Когда вот все это, ты как должное принимаешь, что на твоём девяностолетнем юбилее не будет среди гостей ни заболевших, ни даже опоздавших на празднование.

Все это было так, но старик больше всех ждал прибытия своего близкого друга и участника многих совместных проектов, Скотти-Мормона. Скотт, конечно, был мальчишкой, сопляком против него. Только восемьдесят в том году отметили, но все-таки с ним можно было перетереть обо всем без красивостей и эквивоков.

Мормон никогда его не подводил, вот и сегодня он почти беззвучно появился через стеклянную террасу со стороны сада, улыбаясь во все тридцать два отлично сделанных зуба. В руках он тащил маленький сверток.

— О-о-о! Барон! Старый черт! Ты уже совершеннолетний. Мне шепнули по дороге сюда, что тебе сегодня разрешат, наконец, выпить вискаря и ущипнуть за зад Сару.

— Ох, Скотти. Виски мне теперь наливают в капельницу после обеда, а перед жопо-щипком я принимаю виагру, иначе пальцы разожмутся не вовремя и мне придется Сару просто трахнуть, чтобы не опозориться, а она ведь этого уже давно не любит... Хо-хо-хо... Ха-ха-ха...

Старики пообнимались, и Мормон торжественно зашуршал бумажкой, вручая другу подарок:

— Ты посмотри, что я тебе привез! Дарю при одном условии. Раз в год ты будешь мне давать за нее подержаться.

На колени «новорожденному» легла очень старая книга в когда-то золотистом переплете с персидским орнаментом на обложке.

Старик провел дрожащими пальцами по названию, словно слепой, читающий наощупь:

— *Zoroastro: el zend avesta...* Неужели? Ты достал? Какой год?

— Увы. Не самый первый. Это переиздание. 1838 год. Но ты будешь удивлен, как я раздобыл эту! Представляешь? За взятку в 20 тысяч долларов моему помощнику вынесли ее из Исторической Библиотеки в Москве! Вот штамп, смотри!

— А-а-а! О-о-о! Ха-ха! Невероятно! Эту историю я Саре обязательно расскажу. У нее все равно уже начинается деменция, она никому не проболтается!

— Ха-ха, хи-хи!

— Но подожди. Это хорошо, что ты про Москву вспомнил. Тут начались какие-то фокусы с нашими мальчиками в Лондоне и в Вашингтоне. А мы же фокусника не приглашали. Вот я и хотел переговорить с тобой с глазу на глаз.

— Мда-а. И я с этим же ехал к тебе, честно говоря. Ничего конкретного, но после совещания в Кремле они приехали слегка другими. Вроде все делают, но как-то без души. Да и просеров стало больше и в чувствительных местах. То ли русские их там напугали до невозможности, но что может быть страшнее нас с тобой? Ума не приложу. То ли подменили. Что более вероятно. Сначала хотел устроить медицинскую диспансеризацию, а потом подумал: а зачем? Ведь все и так идет по плану. *Chern* резвится. Мы не должны серьезно вмешиваться.

— Как ты сказал? *Chern*? Это кто или что?

— Ах, это занятно, давно тебе хотел рассказать этот анекдот. Это русские придумали довольно давно. Про себя же. В XII веке, когда из Византии на Руси обосновались торговцы, они начали оформлять в сословия местных. По очень остроумному принципу: «лучшие люди» против «черных людей» — «черни». Причем черные не от цвета кожи, понимаешь, а от цвета всей их чертовой жизни. Она у них всегда была, есть и будет черной как ночь. Черной и беспросветной. Жизнь русской черни с их Достоевскими, Чайковскими, Чеховыми, Гагариными. Если взглядеться в персонажей — это же все по-

луниций ноющий сброд из разорившихся семей, проживший ужасную, наполненную бессмысленными страданиями жизнь и втягивающий остальных неудачников по свету в свою идеологию...

— Ха-ха-ха! Ты, конечно, остроумен. Про Достоевского соглашусь, нудный засранец. Я и десять страниц не освоил. Жвачка для нищих. Но вот Гагарин-то почему?

— О-о-о! Это же самая большая разводка на земле! Тупого качка из деревенской семьи долго тренировали, как законсервированную собачку, служащую удовлетворению любопытства партийных говнюков. А потом даже не поблагодарили толком, а тупо грохнули, чтобы не возиться с героем. Нет ничего идиотичнее, чем история про первого советского космонавта. Мы нашего дурачка хотя бы не отправляли в реале ни на какую Луну и жить оставили. Мы — «лучшие люди». Гуманисты. Ха-ха!

— Ну, хорошо! Твоя взяла. Все это русские этюды черни. Но давай вернемся к сценарию. Я думаю, должна быть уже на объекте показательная смерть и срочные выборы. Сначала одного, возможно, что второй и сам одумается.

— Лондон?

— Ну конечно. Не Вашингтон же. Ну, пойдем, пойдем! Покажем мою новую книгу Саре. Мне не терпится увидеть, как из нее вылетит: «О мой Бог! Кажется, я тогда вышла не за того ковбоя замуж!»

А через два дня после этого чудного разговора на Лонг-Айленде состоялся еще более чудной разговор в Бангалоре в головном офисе одного из крупнейших в Индии инвестиционных фондов. Как говорила Алиса в Стране Чудес: «Все чудесатее и чудесатее, и нет чудес страньше...»

Пожилая сухая и агрессивная, как готовая к спариванию самка богомола, американка по-матерински склонилась над